

УДК 81'27
DOI 10.17223/18137083/60/14

З. И. Резанова

*Томский государственный университет
Томский политехнический университет*

**Субъективные образы времени
в современных славянских языках:
диминутивные модели***

Анализируются прагматические смыслы субъективной оценки, выражаемые с помощью диминутивных суффиксов, которые присоединяются к наименованиям точных отрезков времени в русском, болгарском и польском языках (*минутка, godzinka, седмичка* и под.). Для выявления актуализируемых смыслов применяются методики контекстного анализа и анализа переводческих соответствий. В качестве источника материала используются основной и параллельные русско-болгарский и русско-польский подкорпуса Национального корпуса русского языка. Выявляются варианты субъективно-оценочных смыслов, выражаемых разными типами единиц в трех языках, отмечаются контекстные условия их актуализации.

Ключевые слова: семантика времени, субъективное время, словообразование, диминутив, русский язык, польский язык, болгарский язык.

Введение

Развитое диминутивное словообразование – особенность современных славянских языков, в значительной степени отличающая их деривационные системы от других в пределах индоевропейской семьи ([Вежбицкая, 1996; Земская, 1979; Земская и др., 1981] и др.). Яркой отличительной чертой славянских диминутивных суффиксов является их функционально-семантический синкретизм, что, например, в «Русской грамматике» маркируется самим названием группы – «умень-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (договор № 14Y26.31.00.14).

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (просп. Ленина, 32, Томск, 634050, Россия); профессор кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета (просп. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия; rezanovazi@mail.ru)

шительно-ласкательные» и что отражается в описании семантического варьирования словообразовательных типов с данными суффиксами [Русская грамматика, 1980].

Как нами отмечалось ранее, функциональная направленность основных типов словообразования может быть соотнесена с основными аспектами семиозиса (семантика – синтактика – прагматика), то есть с осуществлением процесса означивания как коммуникативного акта: деривационный процесс может быть направлен на формирование новой семантики (мутационное словообразование: *стол* → *столляр*), новой грамматической формы, обеспечивающей возможность знаку занять новую синтаксическую позицию (синтаксическая деривация: *читать* → *чтение*), нового отношения говорящего к уже обозначенному объекту (модификационное словообразование: *рука* → *рученька*) [Резанова, 1996; 2005].

Основная функция словообразования диминутивов как класса модификационного словообразования заключается в создании нового слова для выражения оценочного отношения говорящего к предмету, названному производящим словом. При этом основание оценки может значительно варьироваться: прототипическое значение ‘меньше нормы размера, маленький’ реализуется в словах, обозначающих конкретные, измеряемые предметы (*домик, линейка, крышечка*); в других случаях, в зависимости от типа производящей основы, семантика производного слова может выражать меньшее количество вещества (*положить кашки, попить чайку* – ‘немного, незначительное количество’), незначительную интенсивность (*подул ветерок, прошел дождичек* – ‘слабый, неинтенсивный’: *утренняя пробежка* – ‘легкая, неинтенсивная’), малую степень социальной важности (ср., например, значение диминутива *бумажка* в значении ‘документ, не являющийся социально или ситуативно важным’ в контексте: *Что ты мне какие-то бумажки подкладываешь!*) и др.

Рационально-оценочное значение соединяется с эмоционально-оценочным, которое также может значительно варьироваться. В диминутивных суффиксах прототипическим является значение одобрения, ласкательности, однако под влиянием производящей основы и контекста этот компонент может также варьироваться от выражения отношения одобрения до уничижительности (ср.: *Зато парень вымахал рослый, красивый, может, бог даст, и умишком возьмёт. Хорошо бы vs А то ведь как: вот размахнулся на крестовый дом – широко жить собрался, а умишка, глядишь, – на пятистенок едва-едва. Просадит силёнки до тридцати годов, нашумит, наорётся, а дальше – тишк.* В. Шукшин)¹.

Следует сказать также о том, что два смысловых ядра диминутива могут эмансипироваться друг от друга: в разных контекстах слово с диминутивным суффиксом может выражать только размерное или только ласкательное значение [Резанова, 1996; 2005].

Казалось бы, функциональная направленность диминутивных суффиксов на выражение семантики ‘меньше нормы размера’ в соединении с эмоцией ласкательности препятствует их присоединению к единицам, называющим точные отрезки времени: *стакан* может быть больше или меньше по размеру, что является основанием возможности образования уменьшительного производного от имени (*стакан – стаканчик*), но *минута* называет строго фиксированный отрезок времени, не варьируясь по размеру. Однако такие производные есть в разных языках и их существование в наиболее яркой форме проявляет семиотический смысл данного типа деривации – выражение субъективно-оценочного отношения говорящего к объекту или факту действительности. В диминутивных дериватах *minutka, dzionek, минутка, седмичка* и под. актуализируется смысл субъективного

¹ Здесь и далее контексты приводятся из Национального корпуса русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 12.02.2016).

переживания времени: говорящий подчеркивает, что считает называемый отрезок времени незначительным, маленьким, и это значение является дополнительным по отношению к обозначенному корневой морфемой значению отрезка времени. Возможность появления диминутивных дериватов, актуализирующих значение субъективного переживания отрезка времени как очень маленького, поддерживается развитием у исходных единиц производного значения неопределенно маленького отрезка времени ².

Особым образом в рассматриваемых диминутивных производных трансформируется и эмоционально-оценочное значение суффикса, так как производящие основы называют концепты высокой степени абстракции. Как было нами ранее показано на материале русских диминутивов, суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением при присоединении к именам точных отрезков времени могут выражать три относительно независимых прагматических значения:

1) субъективное переживание говорящим данного отрезка времени как незначительного, маленького и имплицитную этим отношением положительную эмоцию: событие может осуществиться или интерпретироваться как осуществляемое в короткий промежуток времени, что вызывает положительную эмоцию говорящего;

2) субъективное отношение к событийному ряду, соотносимому говорящим с данным отрезком времени: в этом случае эмоционально-оценочный смысл единицы не связан с семантикой 'маленький' и в наибольшей степени зависит от семантики контекста;

3) отношение говорящего к ситуации в целом, к субъекту, характеризующему диминутивной формой со значением времени: диминутивная форма в таких контекстах полностью утрачивает значение уменьшительности, являясь одним из средств выражения экспрессивности. Диминутив в таких конструкциях имеет значение 'отклоняющийся в значительной степени от нормы, по мнению говорящего, который испытывает по этому поводу сильные эмоции', например: *Этого следовало ожидать. Чертов выжига, он еще кому-то кусок отдал. Ну и денек!* (Б. Акунин).

Отмеченные значения диминутивов характеризуются различной дистрибуцией: маркируются разными типами синтаксических конструкций и типами лексических окружений.

В данной статье представлены результаты исследования функционально-семантических соответствий русских диминутивных производных со значением времени в двух славянских языках – польском и болгарском. В рассматриваемых славянских языках, русском, болгарском и польском, относящихся к разным подгруппам славянской семьи, наблюдается достаточно широкое, но варьирующееся по условиям контекстной актуализации использование диминутивных суффиксов со словами, называющими точные отрезки времени: *секундочка, минутка, минуточка, денек, денечек, неделька, неделечка, годик, годок, годочек* (рус.); *chwileczka, minutka, dzionek, godzinka* (польск.); *секундичка, минутка, седмичка* (болг.)³. При наличии типологической общности, деривационные системы современных славянских языков отличаются и по составу диминутивных производных имен (ср.: *день – денек – денечек* (рус.), *dzień – dzionek* (польск.), но *день – ?* (болг.); *неделя – неделька* (рус.), *седмица – седмичка* (болг.), но *tydzień – ?* (польск.)), и по спектру их семантического и функционального варьирования.

² Такие переносные значения отражаются в академических толковых словарях, хотя и не всегда последовательно.

³ В статье используются сокращения: болг. – болгарский язык, польск. – польский язык, рус. – русский язык.

Материал и метод

Как было отмечено, мы анализируем в статье функционально-семантические соответствия русских диминутивов в двух славянских языках; описание ведется от русской языковой системы к соответствиям в польском и болгарском языках. Такая постановка проблемы обусловила тип источников материала и характер их использования. В качестве источников материала мы используем данные основного и параллельных русско-польского и русского-болгарского подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Источниковедческие возможности лингвистически размеченных корпусов текстов вообще и НКРЯ в частности при решении вопросов семантики и функционирования языковых единиц достаточно широко отрефлексированы. Назовем лишь несколько наиболее значимых работ [Перцов, 2006а; 2006б; Плугян, 2008]; об источниковедческих возможностях подкорпуса устной речи НКРЯ при интерпретации диминутивов писала М. Д. Воейкова [Воейкова, 2009]. Использование параллельных корпусов в разнонаправленных лингвистических исследованиях в настоящее время также активно обсуждается [Добровольский, 2009; Добрушина, 2009; Нагель, 2008]. Потенциал использования русско-английского параллельного подкорпуса НКРЯ при изучении русских синкретичных производных раскрывает О. В. Нагель [Нагель, 2015]. Направленность привлечения данных основного и параллельных подкорпусов НКРЯ в аспекте преподавания русского языка как иностранного в англоязычной аудитории мы рассматривали применительно к диминутивам также на примере лексем со значением временных отрезков [Резанова, Шиляев, 2015], анализируя соответствия по русско-английскому подкорпусу, где русский язык представлен и как язык оригинального текста (L–1), и как язык перевода (L–2). Потенциал привлечения этого же подкорпуса в системе преподавания английского языка в русскоязычной аудитории анализировался в работе [Нагель и др., 2014]. Параллельный подкорпус позволяет выделить аспекты интерпретации сложных синкретичных смыслов диминутива в условиях межъязыковой коммуникации с учетом структурных особенностей языка-реципиента, определить, какие ресурсы на каких уровнях языка привлекаются для передачи смыслов русских диминутивов, равно как и характер функциональных корреляций и смысловых соответствий в пространстве высказываний. Реализованные переводческие стратегии интерпретируются нами как результат метаязыковых рефлексий смыслового и функционального потенциала диминутива, актуализованного в контексте. Такой подход к анализу переводных соответствий, к анализу ресурсов параллельных корпусов текстов мы находим в работах О. В. Нагель [Нагель, 2008; 2015]. Данные параллельных подкорпусов НКРЯ позволяют выявить также типичные жанровые и конструктивные позиции актуализации смыслов диминутивов, реализованные в художественных текстах.

Результаты и обсуждение

Как показал анализ, из трех значений – размерно-оценочного временного, эмоционально-оценочного и экспрессивного – диминутивные обозначения временных отрезков наиболее последовательно выражают первое значение. Эта семантика обозначается диминутивными производными, начиная от *секундочка* и заканчивая *годик*, *годок*, реализуясь в значительном количестве контекстов, типовых окружений. При этом каждая из единиц, выражая общее деривационное значение, характеризуется вариантным набором контекстных актуализаций.

1. Единицы, обозначающие маленькие и очень маленькие отрезки времени, – *секундочка*, *минутка*, *минуточка* и их переводные эквиваленты в болгарском и польском языках – *секундичка*, *минутка* (болг.), *chwilka*, *chwileczka*, *minutka*

(польск.) – актуализируют только размерно-оценочное временное значение. При этом лексемы данной группы в наибольшей степени по отношению к другим диминутивным производным с временной семантикой смещают значение от обозначения точного временного отрезка на выражение смысла ‘немного’, синонимизируясь с производящими единицами *minuta*, *sekunda*, *chwila*, *minuta*, также утрачивающими значение точного временного отрезка и использующимися в значении ‘короткий, очень короткий период времени’, а также с другими обозначениями коротких временных отрезков (*миг*, *мгновение*, *момент* (рус.); *миг*, *момент* (болг.); *moment* (польск.) и под.). Об этом свидетельствуют взаимные переводы: *на минутку* (рус.) → *na sekundę* (польск.); *секунда* (болг.) → *минуточка* (рус.); *minuta* (рус.) → *moment* (польск.):

Stach zatrzymał się na sekundę... (Б. Прус) → *Стах на минутку остановился* (пер. Н. Модзелевской);

Czekajcie, czekajcie, jeszcze moment! (St. Żeromski) → *Погодите, минутку погодите!* (пер. Е. Троповского, Е. Егоровой);

...вы посидите минуточку здесь с товарищем Бездомным (М. Булгаков) → *...поседете тут мѣничко с другаря Бездомни* (пер. Л. Минковой) и под.

Значение малого времени при переводе может выражаться непосредственно, в описательных конструкциях, или опосредствованно:

Idę na świeżego «Kuriera», akurat mam odrobinę czasu (‘у меня мало времени’) (S. Żeromski) → *Я иду посмотреть последний номер «Курьера», у меня как раз есть минутка времени* (пер. Е. Усиевич);

Nie będę ci przeszkadzać, kilka tylko słów... (J. Andrzejewski) → *Не буду тебе мешать, я на одну минутку...* (пер. Н. Подольской);

Мы только на минутку, ваше-ство... – прошептал Звиздулин (А. Чехов) → *Ние само за малко, ваше-ство...* – пошепна Звиздулин (пер. К. Койчевой);

Порфирий Петрович перевел на минутку дух (Ф. Достоевский) → *Порфирий Петрович си пое дѣх за миг* (пер. Г. Константинова).

Значение малого времени еще более актуализируется в отвлечении от семантики точных временных отрезков в устойчивых фразеологизированных формах – *на минуточку*, *на минутку*:

Przysięgła, że nikogo obcego nie było. – Może wyszła na chwilę? – To już milicja dokładnie zbadala (J. Chmielewska) → *Может быть, она выходила на минутку? – Милиция уже это проверяла* (пер. В. Селивановой).

В сравнении с другими диминутивными обозначениями отрезков времени при взаимных переводах именно лексема *минутка* чаще всего заменяется на непроеизводные синонимичные лексемы. Безусловно, бóльшая экспрессия диминутивного слова ощущается, однако о незначительности смысловой разницы свидетельствует то, что при существовании в польском языке диминутивных форм *chwileczka*, *minutka* русское слово *минутка* в большинстве контекстов при переводе заменяется на *chwila* (на 110 вхождений *минутка* переводные соответствия распределились следующим образом: 51 – *chwila* (46,3 %), 8 – *chwilka*, 7 – *chwileczka*, 3 – *minutka*). Таким образом, все диминутивные производные составляют 16,3 % переводных соответствий. Остальные переводческие соответствия (*godzinę*, *na kilka minut*, *na sekundę*, *na słóweczko*, *moment*, *kilka tylko słów*, *na kilka minut*, *jedna minuta*, *zaraz*, *jedną sekundę*) представлены единичными примерами и в совокупности составляют 26,1 %:

а) *chwila*: *A co, pan do mnie? – Pan pozwoli do nas na chwilę, mamy kilka pytań...* (J. Chmielewska) → *Я прошу вас зайти к нам на минутку, у нас к вам есть несколько вопросов...* (пер. В. Селивановой);

б) *chwilkę, chwileczka* и *minutka*: *Poświęćcie mi – Poturnik oczami wskazał chudego zakonnika- jeszcze chwilkę* (A. Sapkowski) → *Уделите мне, – Стенолаз указал глазами на тощего монаха, – еще минутку* (пер. Е. Вайсброт); *Mnie? – Na chwileczkę. Od progu spotkał się z wzrokiem Marcina* (J. Andrzejewski) → *Меня? – На одну минутку; – В дверях Шреттера встретил взгляд Марцина* (пер. Н. Подольской);

– *Извините! На минутку! Лично пригляжу за филейчиками* (М. Булгаков) → *Proszę mi wybaczyć! Ja na minutkę! Osobiście przypilnuję jarząbków!* (пер. I. Lewandowska, W. Dąbrowski);

в) *drugie*: *Dyrektorowo, proszę na słóweczko! – zawołała Majkowska* (W. Reymont) → *Дорогая, моя, на одну минутку! – позвала ее Майковская* (пер. Л. Конрад).

В русско-болгарских соответствиях при наличии эквивалентных переводческих соответствий (а) и переводов синонимическими соответствиями (б) отмечаются регулярные асимметричные переводы: недиминутивная форма переводится диминутивом (в) и диминутивная – недиминутивом (г):

а) *Извините! На минутку! Лично пригляжу за филейчиками* (М. Булгаков) → *Извинете! За минутка! Да видя лично какво става с филенцето!* (пер. Л. Минковой);

б) *На минутку ощутить себя владельцем целого вагона барахла!* (А. Приставкин) → *За миг да се почувствува собственик на цял вагон стока!* (пер. З. Петровой);

в) *Сейчас, сейчас бегу! Одна минута. Рассоединился, скороговоркой объяснил...* (Б. Акунин) → *Сега, да, веднага! Минутка. Затвори и набързо обясни...* (пер. С. Бранц);

г) *Одну минутку! – Штирнер позвонил, и в комнату вошел старичок нотариус с двумя свидетелями* (А. Беляев) → *Една минута! – Штирнер позвъни и в стаята влезе старчето нотариус с двама свидетели* (пер. А. Траянова).

При том что диминутивные дериваты есть во всех языках, по данным переводных соответствий активность их использования в эквивалентных функционально-семантических позициях не равна: наиболее регулярно в сравниваемых контекстах используется диминутивный дериват *минутка* в болгарском языке, в наименьшей степени *chwileczka* и *minutka* – в польском.

Для русского языка характерно нанизывание уменьшительно-ласкательного суффикса с усилением эмоционально-оценочной экспрессии: *минута – минутка – минуточка*. При этом отмеченные тенденции вариативности переводческих соответствий сохраняются, однако соотношения вариантов перевода здесь иные – на 38 вхождений в корпусе в качестве переводческого эквивалента *минуточки* в двенадцати случаях избирается *chwileczkę*, то есть в 31 % переводов (в то время как соответствие *минутка – chwilkę* представлено в 0,72 % соответствий), все диминутивные соответствия, включая *chwilkę* и *tomencik*, составляют 44,7 %. Приведем типичные примеры контекстных соответствий:

Я на минуточку вышла – хотела посмотреть, идешь ли ты (В. Набоков) → *Wyszłam tylko na sekundę. Chciałam zobaczyć, czy już wracasz* (пер. М. Кłobukowski);

Chwilę... sznurowadło – powiedział trzeci, najmłodszy. Pochylił się i przykleknął na skraju chodnika (В. Czeszко) → **Минуточку**, *шнурок развязался, – сказал младший. Он наклонился, поставил ногу на край тротуара* (пер. С. Свяцкого);

Moment, łaskawa pani. Za chwilę będzie wszystko w porządku (В. Czeszко) → **Минуточку**, *сударыня. Сейчас все будет в порядке* (пер. С. Свяцкого);

Одну минуточку! – остановил его конферансье (М. Булгаков) → **Momencik!** – *zatrzymał go konferansjer* (пер. I. Lewandowska, W. Dąbrowski).

2. Мы усматриваем значительную разницу в актуализации размерно-оценочного временного значения в словах рассмотренной ранее группы и группы, в которую мы объединяем *часик, часок, неделька, неделечка, год, годик, годок*. Если слова первой группы контекстно актуализируют значение очень маленького периода времени, снимая различия корневой семантики, вследствие чего между ними возможна широкая синонимическая замена, то слова второй группы называют в значительной степени различающиеся временные отрезки, поэтому подобная взаимная замена в переводных соответствиях невозможна или чрезвычайно редка.

Контексты использования рассматриваемых единиц свидетельствуют о том, что диминутивные производные используются, когда говорящий стремится подчеркнуть, что час, неделя, день – это совсем небольшой период времени в конкретной ситуации или то, что для него не важно точное обозначение времени. Предложения типа *Приходи на час!* и *Приходи на часок!* различаются выражаемыми субъективными смыслами отношения ко времени и тому событию, которое будет протекать в данный период времени. Используя диминутив, с одной стороны, говорящий подчеркивает то, что он считает это время незначительным, с другой – то, что ситуация вообще не предполагает точного обозначения времени. Часто такое словоупотребление является способом подчеркнуть субъективную, эмоциональную значимость события и отсутствие его социальной значимости. В разных контекстах может на первый план выходить то один смысл, то другой или актуальными оказываются оба значения.

Различие контекстно актуальных смыслов диминутивов может проявиться в переводческих стратегиях, особенно ясно – при отсутствии диминутива-эквивалента в языке перевода, ср.: актуализация смысла неточного времени (а), значенные субъективно незначительного отрезка времени (б):

а) *Вот тут тридцать пять рублей; из них десять беру, а часика через два в них отчет представлю* (Ф. Достоевский) → *Это тут са тридесет и пет рубли: вземам десет, а след около два часа ще ти представя отчет за тях* (пер. Г. Константинова);

б) *Знаете, вот так немножко полежишь в позе трупа, с полным отключением всех мышц, и как будто часок поспал* (Б. Акунин) → *Знаете ли, като полежиши така в поза труп с напълно отпуснати всички мускули, все едно си поспал един час* (пер. С. Бранц).

Размерно-временное значение лексем *денек, денечек, неделька, неделечка, часик, часок, часочек, годик, годок, годочек* также реализуется в условиях контекстной поддержки данных смыслов прежде всего в семантике глаголов в формах ограничительного (диминутивного) способа действия: *поспал часика два, посидел часок, поспал хотя бы часочек, заехал бы на денечек, пожил бы денек*, а также семантикой частиц: *только часок, всего часик, на какой-нибудь часок, хоть на денек, хотя бы часок, хоть бы денек*. Данные типы контекстной поддержки сохраняются и как переводческие соответствия: *wzdrzemnęli часок – zdrzemnęli godzinkę, на какой-нибудь часок – na jakie godzinkie, но всего на часок – na jedną*

godzinkę, только два часика – tylko dwie godzinka, parę godzin, kilka godzin, na jedną godzinkę tylko dwie godzinki, один ден да поживея на ваше място и под.

Семантика неточного времени также находит способы контекстной поддержки, в том числе в стратегиях перевода: *примерно недельку – навярно една седмичка; заболеть бы недельки на две, на три – да се разболее за някоя и друга седмичка.*

Один из устойчивых способов маркирования субъективного значения неточного времени – конструкции инверсии, этот смысл может усиливаться обозначением вариативного выбора количества дней, недель и под. (ср.: *что-то произойдет через два года, три часа, две недели vs. что-то произойдет годика через два, недельки через три, через часок vs. что-то произойдет годика через два-три, недельки через три-четыре, через часок-другой*).

При отсутствии в языке-реципиенте диминутивного производного данное значение передается средствами контекстного окружения исходной формы:

*Докторша установила бронхит, потрепала Лолиту по голой спине (где пушок вдоль хребта дыбом стоял от жара) и уложила ее в постель **на недельку или дольше** (В. Набоков) → *Stwierdziła bronchit, poklepała Lo po plecach (na których od gorączki zdębiał cały puszek) i położyła ją do łóżka **na tydzień albo i dłużej*** (пер. М. Кłobukowski).*

В качестве переводческого эквивалента может быть избрано наречие с семантикой неопределенного времени: *притаиться годика на два – przyszaić się na kilka lat* и под.

Проведем далее анализ соотношения переводческих стратегий в этой группе на примере диминутивов *часик* и *часок* и их соответствий в русско-польском и русско-болгарском подкорпусах. В русско-польском параллельном подкорпусе двадцать вхождений диминутива *часок* и семь вхождений *часик*.

Все производные актуализируют смысл маленького, незначительного времени, часто с подчеркиванием коммуникативной неактуальности точного обозначения его границ.

Из 27 русскоязычных контекстов *часок* и *часик* в качестве переводческих эквивалентов избирается диминутив в девяти случаях:

*Я пойду по делу **на часок** (Н. Островский) → *Wyjdę **na godzinkę** coś załatwić* (пер. W. Rogowicz);*

*Вошел смотритель и униженно стал просить его сиятельство подождать **только два часика**... (Л. Толстой) → *Wszedł poczmistrz i jął uniżenie prosić jaśnie pana, żeby zaczekał **tylko dwie godzinki**...* (пер. A. Stawar);*

в девятнадцати случаях в качестве переводческого соответствия используется исходная форма:

*Он сильно зажмурился, жалея, что не хватило времени поспать **хотя бы часок** перед важным делом (А. Стругацкий, Б. Стругацкий) → *Mosno zmrużył oczy, żalując, że nie starczyło czasu **na chociaż godzinę** snu przed ważnym spotkaniem* (пер. I. Lewandowska);*

в шести – переводчик избирает другое словоупотребление:

*...что я просто заехал **на часок** по дороге в Лектобург, где меня ожидают друзья и поклонники (В. Набоков) → *...wstąpiłem tylko po drodze do Readsburga, gdzie ugoszczą mnie przyjaciele i wielbicieli* (пер. М. Кłobukowski);*

– *Ежели позволите, княжна, на четверть часика вам прикинуть мою Натасу...* (Л. Толстой) → – *Jeśli księżniczka pozwoli, to na kwadransik podrzucę jej Nataszę...* (пер. А. Stawar).

Идея небольшого количества времени поддерживается сочетанием *parę godzin, kilka godzin* и под.

В болгарском языке нет эквивалента-диминутива, все переводческие соответствия создаются с использованием исходной формы, с сохранением контекстной поддержки значений ‘немного’, ‘всего лишь’: *пару часиков – няколко часа, через часок – след един час*:

*Сходить на сепаратор значило **хоть на часок** уйти из дома, поболтать...* (А. Рыбаков) → *Да идеш на сепаратора означава **поне за час** да излезеш от къщи, да си побъбриш...* (пер. З. Петровой);

А также с использованием других лексем, имеющих значение ‘маленький’:

*Так, например, если все народы мира ложатся спать, то герои русских романов постоянно недосыпают, желая лишь «**прилечь на часок**»* (В. Пикуль) → *Така например, докато всички народи по света си лягат да спят, героите на руските романи постоянно не си доспиват, като желаят само «**да полегнат за малко**»* (пер. Ю. Пенева-Павловой).

3. В группе наименований средних и больших отрезков времени выделяются особым развитием семантики диминутивы *денек, денечек* и *годик, годок*.

Особенность диминутивных форм *денек, денечек* состоит в совмещении значения субъективно малого времени и значения положительной оценки. Выражение значения субъективно малого времени подчиняется тем же закономерностям, что были отмечены ранее относительно других имен второй группы.

При этом в исследуемых контекстах преобладает субъективно-оценочное значение положительной оценки дня говорящим. Основания оценки могут быть самыми разными, их объединяет наполненное позитивными эмоциями отношение говорящего к фактам, событиям, атмосфере и под. настоящего, прошлого, будущего дня:

*От – **уśmiechnął się szeroko Ogończyk**. – От, **dzionek szczęśliwy**. Krzyżaka ubić dawno nie trafiło się* (Andrzej Sapkowski) → – *Ох, – широко улыбнулся Огоньчик. – Вот денек счастливый. Давненько не доводилось прибить крестовика* (пер. Е. Вайсброт);

*Начали думать, как бы **лучше денек провести*** (Н. А. Островский) → *Zaczęli się zastanawiać, jakby tu **przyjemnie spędzić dzionek*** (пер. W. Rogowicz).

Типичные контексты такого использования данных диминутивов – внутренняя речь героя, нарративы; типичная сочетаемость – оценочные, характеризующие прилагательные: *денек счастливый, dzionek szczęśliwy, в летний денек, дождливый денек* и под. Часто именно диминутив выступает в качестве коммуникативно сильного компонента высказывания, «наводя» значение положительной оценки на элементы окружения, с одной стороны, с другой – вбирая смысл широкого контекста:

*Это меня нисколько не волновало, **побыть лишний денек** в Москве тоже что-нибудь да значило* (Ч. Айтматов) → *Това никак не ме разтревожи, все **пак един ден** в Москва беше от значение за мен* (пер. М. Златановой).

Субъективное значение малого количества времени и положительной оценки событийного ряда может совмещаться:

*К этому времени мы уже доехали до полярной степи, и я был **награжден** **днемом-другим прекрасного умиротворения**...* (В. Набоков) → *Znaleźliśmy się tymczasem w krainie bylicy i nastąpiło **kilka dni przemiłej ulgi**...* (пер. М. Kłobukowski);

*Да **денька полтора али два** могу еще дать вам **погулять*** (Ф. Достоевский) → ***Ами ден и половина или два дена** още мога да ви дам да се поразходите* (пер. Г. Константинова).

Как видим, и в том и в другом случае комплекс эмоционально-оценочных смыслов в переводе не сохраняется, но выражается значение незначительного времени, времени с неточно определенными границами, что дополнительно маркируется синтаксической инверсией и семантикой частиц.

И наконец, следует отметить использование данной формы в особых конструкциях, в которых диминутив утрачивает значение уменьшительности и ласкательности, но в комплексе с другими элементами конструкции выражает экспрессию:

*Чертов выжига, он еще кому-то кусок отдал. **Ну и денек!** Сопоставив это последнее восклицание с репликой про сюрпризы, **Николаас** спросил: – У вас что-то случилось? – Жизнь странная штука и полна чудес* (Б. Акунин) → *Проклетият мошеник е дал парче на още някого. **Ах, че ден!** Николаас съпостави последното възклицание с репликата за изненадите и попита: – Какво има? – Животът е странно нещо и пълно с чудеса* (пер. С. Бранц).

Что касается соотнесенной пары диминутивов *годик* и *годок*, то следует сказать, что функционирование уменьшительной формы *годик* и ее переводных эквивалентов соответствует закономерностям, отмеченным ранее.

Деминутив *годок* реализуется, как правило, в форме родительного падежа множественного числа и используется для обозначения количества лет; использование данной формы (*кому-то столько-то годков минуло*) по сравнению с нейтральным *кому-то столько-то лет, столько-то годов* вносит значение экспрессии, ласкательности, стилистической маркированности, разговорности (реже в этих позициях используется и производное *годик*):

*Да вот пошел **семнадцатый годок**, – отвечала матушка* (А. Пушкин) → *A ot, zaczął **siedemnasty roczek** – odpowiedziała matka* (пер. Т. Stepniewski, S. Pollak);

*«Год рождения?» Говорю. Мне тогда, в тридцатом году, что ж, **двадцать два годика** было, теленок.* (А. Солженицын) → *«Година на раждане?» Отговарям. Тогава, в трийсета година, колко **да съм имал, двацет и две** да съм бил, хлане* (пер. В. Райчева);

*Borschnitzowa, babsko stare, musi mieć tedy **grubo ponad sześćdziesiąt roków**, dziw, że się jeszcze próchno nie rozsypało* (А. Sapkowski) → *Боршнитцевой, старой бабе, должно быть, значит, **много за шестьдесят годков**, просто диво, что она еще не рассыпалась* (пер. Е. Вайсброт).

Таким образом, анализ переводческих соответствий в параллельных подкорпусах Национального корпуса русского языка позволил выявить, что в трех языках диминутивные производные от имен со значением фиксированных отрезков времени выражают комплекс значений, объединяемых прагматическими смыслами субъективной оценки, с вариативными основаниями оценки и ее направленно-

сти. Данный комплекс смыслов выражается в условиях контекстного взаимодействия с семантикой синтаксических конструкций и смыслами ближайшего лексического окружения. Различия трех сравниваемых языков проявляется в отсутствии отдельных диминутивных производных, в степени функциональной активности при выражении частных прагматических смыслов. Во всех языках в рассматриваемом аспекте противопоставлены именованья малых отрезков времени, актуализирующие только субъективно-размерный оценочный смысл, характеризующиеся контекстной синонимизацией, и группа именованья больших фиксированных отрезков времени, характеризующаяся более широким спектром выражаемых оценочных и экспрессивных смыслов.

Список литературы

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996. 411 с.
- Воейкова М. Д.* Проблемы использования подкорпуса устной разговорной речи (на примере анализа русских диминутивов) // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 353–373.
- Добровольский Д. О.* Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 383–401.
- Добрушина Н. Р.* Корпусные методики обучения русскому языку // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 335–352.
- Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979. 240 с.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. 276 с.
- Нагель О. В.* Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении // Язык и культура. 2008. № 4. С. 53–59.
- Нагель О. В.* Деривационная специфика наименований лица в славянских языках (на материале параллельного подкорпуса НКРЯ) // Русин. 2015. № 3 (41). С. 226–240.
- Нагель О. В., Темникова И. Г., Верхотурова Н. А.* Когнитивные исследования языка и методология обучения иноязычному дискурсу (словообразовательный аспект) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 2. С. 33–40.
- Перцов Н. В.* О роли корпусов в лингвистических исследованиях // Тр. Междунар. конф. «Корпусная лингвистика-2006». СПб., 2006а. С. 318–331.
- Перцов Н. В.* К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Русский язык в научном освещении. 2006б. № 1 (11). С. 227–245.
- Плунгян В. А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16 (2). С. 7–20.
- Резанова З. И.* Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 218 с.
- Резанова З. И.* Именная деминутивная деривация в механизмах выражения оценки // Картины русского мира: Аксиология в языке и тексте. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 194–231.
- Резанова З. И., Ширяев К. С.* Национальный корпус русского языка в обучении особенностям использования русских диминутивов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5. С. 634–639.
- Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 784 с.

Список источников

Национальный корпус русского языка / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М., 2015. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения 12.02.2016).

Z. I. Rezanova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation
rezanovazi@mail.ru

Subjective Images of Time in Modern Slavic Languages: Diminutive Models

This paper presents the pragmatic sense of subjective evaluation expressed by a diminutive suffix attached to the names of the exact time intervals (*minute*, *godzinka*, *sedmichka* and others) in Russian, Bulgarian and Polish. For detecting actualized meanings, we use the procedure of contextual analysis and analysis of translational correspondences. The basic and Parallel Russian-Bulgarian and Russian-Polish Subcorpora of Russian National Corpus served as the main source of data. The author describes the variants of the subjective-evaluative meanings expressed by different types of units in the three languages and reveals the contextual conditions for the actualization of revealed meanings. Diminutive names of exact time periods refer to three types of values: 1) the subjective attitude of the speaker to the time interval as minor, small, and the implied positive emotion, 2) the positive attitude of the speaker to events and situations that occur at this time; the derivative does not express the value «small» and is highly context-dependent; 3) the attitude of the speaker to the situation as a whole; the diminutive does not express the value «small», but functions a means of naming the expression in the sentence as a whole. The present research made it possible to conclude that the differences between the three languages manifest themselves in the absence of certain diminutive derivatives, the extent of their functional activity in terms particular pragmatic meanings. The names of small periods of time in all of the languages actualize only the subjectively-dimensional value. The names of large time intervals are characterized by a wide range of evaluation and expressive meanings. Complex meanings of diminutives are expressed during interaction with the semantics of syntactic constructions and lexemes of the sentence in compared languages.

Keywords: semantics of time, subjective time, word formation, diminutive, Russian, Polish, Bulgarian.

DOI 10.17223/18137083/60/14

References

Dobrovol'skiy D. O. Korpus parallel'nykh tekstov v issledovanii kul'turno-spetsifichnoy leksiki [Corpora of parallel texts in the study of culture-specific vocabulary]. In: *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New results and prospects]. St. Petersburg, 2009, pp. 383–401.

Dobrushina N. R. Korpusnye metodiki obucheniya russkomu yazyku [Corpus methods of Russian language teaching]. In: *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New results and prospects]. St. Petersburg, 2009, pp. 335–352.

Nagel' O. V. Korpusnaya lingvistika i ee ispol'zovanie v komp'yuterizirovannom yazykovom obuchenii [Corpus linguistics and its use in computerized language learning]. *Language and Culture*. 2008, no. 4, pp. 53–59.

Nagel' O. V. Derivatsionnaya spetsifika naimenovaniy litsa v slavyanskikh yazykakh (na materiale parallel'nogo podkorpusa NKRYa) [Derivative specificity of person nouns in the Slavic languages (using Ruscorpora's parallel subcorpora)]. *Rusin*. 2015, no. 3(41), pp. 226–240.

Nagel' O. V., Temnikova I. G., Verkhoturova N. A. Kognitivnye issledovaniya yazyka i metodologiya obucheniya inoyazychnomu diskursu (slovoobrazovatel'nyy aspekt) [Cognitive studies of language and the methodology of teaching foreign language discourse (aspect of word-formation)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2014, no. 2, pp. 33–40.

Pertsov N. V. O roli korpusov v lingvisticheskikh issledovaniyakh [On the role of corpora in linguistic studies]. In: *Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Korpusnaya lingvistika-2006"* [Proc. of the Intern. Conf. "Corpus Linguistics-2006"]. St. Petersburg, 2006, pp. 318–331.

Pertsov N. V. K suzheniyam o faktakh russkogo yazyka v svete korpusnykh dannykh [Judgements on facts of the Russian language in light of corpus data]. *Russian language and linguistic theory*. 2006, no. 1(11), pp. 227–245.

Plungyan V. A. Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoy korpusnoy lingvistiki [Corpus as an instrument and as an ideology: some of the lessons of modern corpus linguistics]. *Russian language and linguistic theory*. 2008, no. 16(2), pp. 7–20.

Rezanova Z. I. *Funktional'nyy aspekt slovoobrazovaniya: Russkoe proizvodnoe imya* [Functional aspect of word formation: Russian derived noun]. Tomsk. Tomsk State Univ. Press, 1996, 218 p.

Rezanova Z. I. Imennaya deminutivnaya derivatsiya v mekhanizмах vyrazheniya otsenki [Diminutive derivation of nouns in the mechanisms of expression of evaluation]. In: *Kartiny russkogo mira: Aksiologiya v yazyke i tekste* [Russian pictures of the world: Axiology in language and text]. Tomsk, Tomsk State Univ. Press, 2005, pp. 194–231.

Rezanova Z. I., Shilyaev K. S. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka v obuchenii osobennostyam ispol'zovaniya russkikh diminutivov [Ruscorpora in teaching the usage of Russian diminutives]. *International journal of applied and fundamental research*. 2015, no. 5, pp. 634–639.

Russkaya grammatika. T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Russian grammar. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow, Nauka, 1980, 784 p.

Vezhbitskaya A. *Yazyk. Ku'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1996, 411 p.

Voeykova M. D. Problemy ispol'zovaniya podkorpusa ustnoy razgovornoj rechi (na primere analiza russkikh diminutivov) [Problems of using the oral subcorpus (analysis of Russian diminutives)]. In: *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New results and prospects]. St. Petersburg, 2009, pp. 353–373.

Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya* [Russian colloquial speech: Linguistic analysis and teaching problems]. Moscow, 1979, 240 p.

Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. V., Shiryayev E. N. *Russkaya razgovornaya rech': Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech: General questions. Word formation. Syntax]. Moscow, 1981, 276 p.

List of sources

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN. Moscow, 2015. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 12.02.2016).